

ОКРУЖНОЙ СУД ОСЛО

Ограничений на публичное воспроизведение решения не установлено

РЕШЕНИЕ

Вынесено: 4 июля 2026 года Окружным судом Осло

Номер дела: 26-052301TVI-TOSL/04

Судья: Лизе Боген Беренс

Предмет дела:

Судебная проверка решения Иммиграционного апелляционного совета (UNE), ходатайство о принятии обеспечительных мер (временного судебного запрета)

Истец: (ФИО удалено)

Представитель: адвокат **Роар Бордлунд**,
через помощника адвоката **Ингер Марие Хольм**

Ответчик:

Королевство Норвегия в лице Иммиграционного апелляционного совета (UNE)

Представитель: адвокат **Джейн Элизабет Кристенсен**

Настоящее дело касается судебной проверки решения Иммиграционного апелляционного совета (UNE) от 9 апреля 2026 года, которым был оставлен в силе ранее вынесенный 5 марта 2026 года отказ в предоставлении заявителю убежища и вида на жительство по гуманитарным основаниям. Суду также предстоит рассмотреть ходатайство истца о принятии обеспечительных мер.

Обстоятельства дела

Истец, (ФИО), 25 марта 2026 года подал исковое заявление и ходатайство о принятии обеспечительных мер, требуя:

- отменить решение Иммиграционного апелляционного совета (UNE) от 5 марта 2026 года;
- приостановить исполнение данного решения до вступления в законную силу судебного акта по вопросу о его законности.

Позднее истец уточнил свои требования, указав, что недействительным должно быть признано решение UNE от 9 апреля 2026 года, которым был подтвержден отказ от 5 марта 2026 года в предоставлении убежища и вида на жительство по гуманитарным основаниям.

Ответчик — Государство в лице Иммиграционного апелляционного совета (UNE) — представил отзыв на иск 15 апреля 2026 года. По существу спора государство просило суд отказать в удовлетворении иска. По ходатайству о принятии обеспечительных мер государство также просило отказать в его удовлетворении.

Истец является 22-летним гражданином Российской Федерации. Он проживает в городе Тромсё вместе со своей матерью и её супругом — гражданином Норвегии. Его мать постоянно проживает в Норвегии с 2023 года. С 2006 года истец около десяти раз посещал Норвегию по гостевой визе, навещая свою бабушку.

Истец въехал в Норвегию в декабре 2022 года и 24 января 2023 года подал заявление о предоставлении международной защиты. На тот момент ему только исполнилось 19 лет. В подтверждение своей личности он представил действительный российский паспорт.

Он сообщил, что является уроженцем Мурманска, не состоит в браке и не имеет детей.

Согласно протоколу регистрации ходатайства о предоставлении убежища, основанием для обращения стали нестабильная ситуация в России и **получение повестки на прохождение военной службы по призыву**. Истец пояснил, что после призыва на срочную службу военнослужащие могут быть направлены на войну уже через четыре месяца. По его словам, начиная с октября 2022 года он получил примерно шесть повесток.

Истец заявил, что опасается прохождения военной службы по призыву, поскольку после неё его могут обязать участвовать в войне России против Украины. Он подчеркнул, что выступает против войны, боится быть отправленным на фронт и погибнуть там.

Кроме того, истец указал, что, по его мнению, Россия убивает как украинцев, так и собственных граждан. Он также опасается уголовного преследования за уклонение от военной службы, поскольку скрывается от призыва. По его словам, ему угрожали тем, что если он продолжит скрываться, это повлечёт для него правовые последствия.

Во время собеседования по делу о предоставлении убежища, которое состоялось лишь два года спустя — **15 мая 2025 года**, — истец подтвердил ранее данные объяснения и дополнительно сообщил, что покинул Россию по политическим причинам. Он пояснил, что находился на этапе призыва на срочную военную службу, а военнослужащих, проходящих срочную службу, незаконно направляют либо на линию фронта, либо для несения службы на российской границе.

Он также заявил, что является пацифистом и не может вернуться в Россию, поскольку уже нарушил закон, уклонившись от исполнения воинской обязанности. По его словам, в случае возвращения ему грозит уголовное преследование, а также штраф или лишение свободы.

Относительно призыва на срочную военную службу истец пояснил, что его обманом пригласили в место проведения медицинского освидетельствования. Он явился туда, однако, узнав, что должен пройти медицинское обследование, отказался от его прохождения, поскольку понял, что, скорее всего, будет признан годным к военной службе и направлен на военную базу.

После этого, по его словам, он неоднократно получал повестки с требованием явиться на медицинское освидетельствование — как по почте, так и лично через представителей военного комиссариата, которые приходили к нему домой и даже стучались в дверь соседей. Кроме того, ему неоднократно поступали телефонные звонки с российских номеров.

Заявление о предоставлении международной защиты и вида на жительство по гуманитарным основаниям было отклонено решением Директората по делам иностранцев Норвегии (UDI) от 5 июня 2025 года.

При этом UDI не давал оценки достоверности объяснений истца, поскольку исходил из того, что даже если изложенные им обстоятельства соответствуют действительности, они не свидетельствуют о наличии для него риска преследования либо причинения серьёзного вреда в стране происхождения.

Хотя UDI признал, что в случае возвращения в Россию истец может быть призван на срочную военную службу, ведомство пришло к выводу об отсутствии реального риска преследования в связи с возможным принуждением к участию в войне против Украины, в смысле пункта «а» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах».

UDI также отверг довод о том, что при возвращении в Россию истцу угрожает реальная опасность применения смертной казни, пыток либо иного бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, предусмотренных пунктом «b» части первой § 28 Закона «Об иностранцах».

Кроме того, UDI пришёл к выводу, что ни гуманитарные обстоятельства, ни степень интеграции и связи истца с Норвегией не являются настолько значительными, чтобы оправдать предоставление ему вида на жительство по гуманитарным основаниям в соответствии с § 38 Закона «Об иностранцах».

После подачи истцом жалобы Иммиграционный апелляционный совет (UNE) решением от 5 марта 2026 года оставил отказ в силе.

В резюме решения UNE указано:

Заявителю не предоставляется международная защита в Норвегии. На основании объяснений заявителя UNE считает, что его возвращение в Мурманск (Российская Федерация) не влечёт риска преследования либо иных серьёзных нарушений его прав. Кроме того, отсутствуют серьёзные гуманитарные основания или особая связь с Норвегией в том значении, которое данным понятиям придаёт Закон Норвегии «Об иностранцах».

После того как истец подал ходатайство о пересмотре (отмене) данного решения, 9 апреля 2026 года UNE вновь оставил своё решение без изменения.

UNE отметил, что доклад Норвежского Хельсинкского комитета (NHC) «Как Россия набирает солдат для войны против Украины» от 12 декабря 2025 года не содержит сведений, способных изменить страноведческие выводы, положенные в основу решения UNE.

Хотя UNE признал, что случаи давления или манипулирования в отношении лиц, проходящих срочную военную службу, **«безусловно имеют место»**, Совет указал, что военнослужащие срочной службы по-прежнему могут отказаться от подписания контракта для участия в боевых действиях на российском фронте.

UNE также подчеркнул, что истец не прошёл медицинское освидетельствование и не был признан годным к прохождению военной службы по всеобщей воинской обязанности.

Кроме того, UNE не придал решающего значения следующим обстоятельствам, на которые ссылался истец:

- тому, что он дважды проходил лечение в больнице в Норвегии по поводу спонтанного пневмоторакса (коллапса лёгкого);
- тому, что он страдал депрессией;

- его доводам об отсутствии в России необходимой системы поддержки;
- его уязвимости, обусловленной тем, что по материнской линии он принадлежит к ненецкому и коми этническим меньшинствам.

UNE указал, что спонтанный пневмоторакс является настолько распространённым заболеванием, что его лечение проводится практически в любом хирургическом отделении мира, и данное заболевание не влияет на способность истца совершить поездку. Также было отмечено, что депрессивное расстройство имело место примерно полтора года назад.

По мнению UNE, ссылка истца на принадлежность к национальным меньшинствам представляет собой дополнение первоначальной версии его ходатайства о предоставлении убежища. При этом даже в случае принятия этих обстоятельств во внимание они не свидетельствуют о том, что истец подвергнется повышенному риску негативных последствий при возвращении в Россию, поскольку он не являлся активистом движения за права коренных народов

Для единообразия терминологии в дальнейшем суд считает необходимым пояснить, что будет использовать термин «**военнообязанный**» (**vernepliktig**) в широком смысле, охватывающем как лиц, проходящих или подлежащих прохождению срочной военной службы, так и иных лиц, обязанных пройти военную службу в случае призыва, включая резервистов, уже прошедших срочную службу, а также лиц, состоящих в резерве по контракту.

Суд обращает на это внимание, поскольку в ходе судебного разбирательства использовалась различная терминология, вероятно, в том числе из-за работы переводчика. Однако из контекста не вызывало затруднений определить, идёт ли речь о лицах, проходящих срочную службу, или о военнообязанных в широком смысле.

В некоторых цитатах из решений **UDI** и **UNE** термин «**воинская обязанность**» используется в узком значении и относится исключительно к прохождению срочной военной службы.

Относительно воинской обязанности суд дополнительно отмечает, что не вызывает сомнений следующее:

- российские резервисты, призванные на военную службу или в рамках мобилизации, обязаны явиться по вызову (повестке);
- после введения в сентябре 2022 года так называемой частичной (гибридной) мобилизации Россия ужесточила ответственность за уклонение от военной службы;
- при этом в Российской Федерации не объявлена всеобщая мобилизация.

Основное судебное заседание состоялось **22 и 23 июня 2026 года**.

Истец лично участвовал в судебном заседании и дал объяснения. Его интересы представляла помощник адвоката **Ингер Марие Хольм**.

Ответчик — Государство — участвовал в процессе через главного специалиста и старшего советника **Джеремии Франклина**; интересы государства представляла адвокат **Джейн Элизабет Кристенсен**.

Кроме того, были допрошены четыре свидетеля:

- мать истца **Ольга Вылко**;
- военный юрист **Артём Клыга**;

- **Инна Сангаджиева** из Норвежский Хельсинкский комитет;
- старший советник и страноведческий эксперт организации Landinfo **Вибекке Колдеруп**.

Позиция истца

Предоставление международной защиты на основании пункта «а» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах»

Исследованные судом доказательства свидетельствуют о том, что истец обладает индивидуальным профилем повышенного риска. При проведении конкретной, индивидуализированной и ориентированной на будущее оценки риска, которому он подвергнется в случае возвращения, условия для предоставления международной защиты в соответствии с пунктом «а» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах» являются выполненными. Следовательно, решение об отказе в предоставлении защиты является незаконным.

Истец имеет обоснованные опасения подвергнуться преследованию по причине своих политических убеждений, выражающихся в неприятии войны против Украины, а также вследствие принадлежности к особой социальной группе — пацифистам.

В силу этих опасений он не может пользоваться защитой государства своего гражданства, что соответствует требованиям пункта «а» части первой § 28 Закона «Об иностранцах», а также статьи 1А Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 года и Протокол, касающийся статуса беженцев от 31 января 1967 года.

В случае возвращения в Россию истец подвергается реальному риску:

- применения к нему пыток;
- принудительного направления на войну против Украины;
- принуждения к совершению военных преступлений;
- гибели либо иных серьёзных нарушений его основных прав человека.

Что касается уголовного преследования, истец утверждает, что ему грозит несоразмерно суровое наказание в виде лишения свободы сроком от пяти до десяти лет, поскольку он был вызван на медицинское освидетельствование, предшествующее призыву на срочную военную службу, однако не явился. После возвращения в Россию он вновь будет подлежать призыву и также намерен уклониться от его прохождения.

По мнению истца, столь строгая санкция обусловлена тем, что после получения повестки он приобрёл статус лица, обязанного проходить военную службу в соответствии с российским законодательством.

Истец также указывает, что ему угрожают не просто обычные административные штрафы, поскольку имеются дополнительные обстоятельства, существенно повышающие риск преследования. В частности:

- на протяжении нескольких лет он уклонялся от исполнения требований военных органов;
- он является пацифистом;
- выступает против войны;
- симпатизирует Украине;

- обратился за международной защитой в Норвегии, которую Россия рассматривает как недружественное государство;
- принадлежит к этническому меньшинству.

По мнению истца, совокупность этих обстоятельств неизбежно привлечёт к нему повышенное внимание российских властей после возвращения.

Кроме того, истец утверждает, что ему грозит наказание за отказ участвовать в вооружённом конфликте, в рамках которого военная служба может предполагать совершение деяний, подпадающих под действие § 31 Закона «Об иностранцах» (военные преступления).

Согласно пункту «е» части второй § 29 Закона «Об иностранцах», наказание за отказ проходить военную службу в условиях, когда такая служба предполагает участие в совершении деяний, указанных в § 31, по определению образует преследование в смысле пункта «а» части первой § 28 данного Закона.

Таким образом, существует причинно-следственная связь между политическими убеждениями истца, его принадлежностью к особой социальной группе и указанной угрозой преследования. Следовательно, условия для предоставления ему международной защиты выполнены.

По мнению истца, противоположный вывод UNE обусловлен тем, что Совет исходил из слишком общего и чрезмерно узкого понимания риска, которому он подвергнется в случае возвращения в Россию.

UNE рассматривал истца как обычного российского военнообязанного либо как лицо, впервые уклонившееся от призыва на срочную военную службу. Однако, по мнению истца, такая характеристика не соответствует его ситуации.

Истец считает, что UNE придал чрезмерное значение тому обстоятельству, что неявка на мероприятия, связанные с призывом, как правило, влечёт лишь обычное уголовное преследование по российскому законодательству, и одновременно недостаточно учёл его индивидуальные обстоятельства, а также изменения, произошедшие в России после 2022 года.

По мнению истца, дело требует конкретной, индивидуальной и перспективной оценки тех рисков, с которыми он столкнётся в случае возвращения. При этом должны быть приняты во внимание все перечисленные выше факторы риска.

Кроме того, существенное значение имеет то, что после возвращения в Россию у него не будет семейной поддержки и иной социальной опоры.

Следует также учитывать состояние его здоровья — перенесённую депрессию и повышенную вероятность повторного спонтанного пневмоторакса, — а также то обстоятельство, что его родственники, проживающие в России, поддерживают войну против Украины.

По мнению истца, UNE не дал оценки совокупному значению всех этих обстоятельств и, следовательно, основал свою оценку риска на неполной фактической и правовой основе.

По мнению истца, то обстоятельство, что в России не объявлена всеобщая мобилизация, а применяется так называемая гибридная мобилизация, формально основанная на принципе добровольности, не имеет правового значения.

Российские власти первоначально апеллируют к патриотическим чувствам граждан и используют обещания высокого денежного довольствия, чтобы побудить военнослужащих срочной службы заключить контракт для участия в войне.

Если эти меры оказываются неэффективными, военнослужащие срочной службы подвергаются угрозам, шантажу и другим формам психологического давления с целью склонить их к заключению контракта.

Если и этого оказывается недостаточно, к ним применяется физическое насилие различного характера, чтобы заставить их «добровольно согласиться» на участие в боевых действиях. В отдельных случаях, как утверждает истец, командиры подписывают необходимые документы от имени военнослужащих.

По мнению истца, если человек не обладает значительными финансовыми возможностями либо влиятельными связями, противостоять подобному давлению невозможно. Следовательно, говорить о какой-либо реальной добровольности не приходится.

Истец не располагает ресурсами, которые позволили бы ему противостоять такому принуждению. Более того, с учётом его этнического происхождения и иных обстоятельств, изложенных выше, он подвергнется особенно сильному давлению и более жёсткому обращению.

Военный юрист **Артём Клыга**, **Инна Сангаджиева** из Норвежский Хельсинкский комитет и **Вибекке Колдеруп** из Landinfo дали согласующиеся между собой показания о том, каким образом российские власти принуждают военнослужащих срочной службы к участию в войне.

По их словам, вследствие огромных потерь российской армии набор военнослужащих осуществляется всё более агрессивными методами.

Истец также утверждает, что альтернативная гражданская служба в России не является реальной возможностью, а в любом случае не может быть применена в его ситуации.

UNE исходил из того, что в настоящее время военнослужащие срочной службы не направляются непосредственно на линию фронта.

Однако, по мнению истца, представленные документы и свидетельские показания подтверждают, что существует очень высокий риск того, что военнослужащие срочной службы будут принуждены к участию в войне и направлены в зону боевых действий.

При этом, как указывает истец, нельзя требовать абсолютной уверенности в том, что именно произойдёт после его возвращения.

Право беженцев основывается на оценке риска будущих событий. Любая неопределённость должна оцениваться с учётом тяжести последствий возможной ошибки при прогнозировании таких рисков.

После 2022 года Россия стала более авторитарным государством.

Документально подтверждены случаи, когда российские граждане, возвращавшиеся в страну, вскоре после прибытия попадали в поле зрения военных органов.

Следовательно, риск для истца является конкретным и актуальным.

Кроме того, лица, выступающие против войны либо воспринимаемые как сторонники Украины, в целом подвергаются мерам государственного воздействия.

По мнению истца, UNE рассмотрел дело, исходя из **неверной постановки вопроса**.

Ключевым является не то, грозит ли истцу наказание за уклонение от медицинского освидетельствования и прохождения срочной военной службы, а то, что после возвращения он с высокой вероятностью будет направлен на войну либо, в случае отказа проходить службу и участвовать в войне, столкнётся с длительным лишением свободы.

Истец не намерен участвовать в вооружённом конфликте, в рамках которого прохождение военной службы предполагает совершение военных преступлений.

Поэтому, по его мнению, UNE ошибочно сосредоточил основное внимание на общем уровне уголовных санкций за уклонение от службы вместо того, чтобы оценить риск того, что истец окажется перед выбором:

- либо участвовать в войне против Украины, которая предполагает совершение военных преступлений и сопряжена со значительным риском гибели;
- либо понести длительное наказание в виде лишения свободы за отказ участвовать в ней.

Истец также считает, что UNE недооценил вероятность того, что российские власти будут воспринимать его как противника войны и сторонника Украины.

Следовательно, по мнению истца, существует реальный риск преследования по мотиву политических убеждений.

Истец также указывает, что **в январе 2026 года** в России вступил в силу новый закон, регулирующий вопросы воинской обязанности.

Согласно этому закону, лица, подлежащие призыву на военную службу, теперь могут получать повестки на прохождение срочной военной службы **в течение всего года**, а не только в два традиционных призывных периода.

Кроме того, российские власти внедрили электронную систему учёта, позволяющую осуществлять полный контроль над каждым гражданином, подлежащим призыву.

По утверждению истца, данная база данных формируется на основе сведений, получаемых из образовательных учреждений, медицинских организаций, органов полиции, налоговых органов и других государственных источников.

По мнению истца, на практике это означает, что сразу после пересечения государственной границы России он будет выявлен российскими властями, направлен на срочную военную службу и впоследствии принуждён к участию в войне против Украины.

Предоставление защиты на основании пункта «b» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах»

В качестве альтернативного основания истец утверждает, что по тем же причинам существует реальный риск подвергнуться бесчеловечному или унижающему достоинство обращению либо наказанию.

Следовательно, по меньшей мере, он имеет право на предоставление международной защиты в соответствии с **пунктом «b» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах»**.

Предоставление вида на жительство на основании § 38 Закона Норвегии «Об иностранцах»

В качестве ещё одного, дополнительного, требования истец утверждает, что отказ в предоставлении вида на жительство по гуманитарным основаниям в соответствии с **§ 38 Закона Норвегии «Об иностранцах»** также является незаконным, поскольку основан на неполной оценке всех обстоятельств дела.

По мнению истца, UNE и при применении данной нормы не придал должного значения совокупности гуманитарных обстоятельств.

Истец указывает, что:

- он является молодым человеком;
- придерживается пацифистских убеждений;
- длительное время живёт в условиях страха перед возвращением в Россию;
- успел интегрироваться в норвежское общество;
- его ближайшие родственники проживают в Норвегии;
- в России у него отсутствует социальная поддержка;
- он страдает повышенной уязвимостью вследствие перенесённого спонтанного пневмоторакса и психологических проблем;
- в случае возвращения ему придётся жить в обществе, находящемся под влиянием войны, характеризующемся серьёзными проблемами в области прав человека и неопределённостью, связанной с военным призывом.

По мнению истца, совокупность этих обстоятельств свидетельствует о наличии серьёзных гуманитарных оснований для предоставления ему вида на жительство в соответствии с **§ 38 Закона Норвегии «Об иностранцах»**.

По ходатайству о принятии обеспечительных мер

Истец утверждает, что им подтверждены как наличие основного требования, так и основания для применения обеспечительных мер.

Поэтому исполнение решения UNE должно быть приостановлено до вступления в законную силу окончательного судебного решения по настоящему делу.

По мнению истца, существует реальный и непосредственный риск того, что в случае возвращения в Россию он подвергнется преследованию либо иному обращению, предоставляющему право на международную защиту.

Возвращение может повлечь:

- вызов в военные органы;
- уголовное преследование;
- лишение свободы;
- принудительное включение в систему военной службы, которой он по соображениям совести категорически противится.

По утверждению истца, последствия такого развития событий могут представлять угрозу для его жизни.

Если истец будет возвращён в Россию до окончания судебного разбирательства, причинённый ему вред уже невозможно будет устранить.

В связи с этим, по мнению истца, принятие обеспечительных мер является необходимым для того, чтобы рассмотрение основного иска не утратило своего практического значения до того, как суд окончательно разрешит вопрос о законности решения UNE.

Требования истца

По основному иску

1. Признать недействительным решение Иммиграционного апелляционного совета (UNE) от **9 апреля 2026 года**, которым было оставлено в силе решение UNE от **5 марта 2026 года** об отказе в предоставлении международной защиты и вида на жительство по гуманитарным основаниям.
2. Взыскать с ответчика в пользу истца судебные расходы.

По ходатайству о принятии обеспечительных мер

1. Приостановить исполнение решения Иммиграционного апелляционного совета (UNE) от **9 апреля 2026 года** по делу № **2006 070120 01** до вступления в законную силу судебного решения по основному иску.
2. Взыскать с ответчика в пользу истца судебные расходы.

Позиция ответчика

Предоставление международной защиты на основании пункта «а» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах»

По мнению ответчика, истцу не угрожает преследование в смысле **пункта «а» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах»**.

Ответчик считает, что у истца отсутствуют обоснованные опасения подвергнуться преследованию в случае возвращения в Россию.

Опасения истца связаны исключительно с возможным призывом на срочную военную службу и последствиями уклонения от её прохождения.

Уголовная ответственность за уклонение от военной службы в Российской Федерации, как правило, представляет собой обычное уголовное преследование и не является преследованием в понимании права беженцев.

Кроме того, любые возможные меры ответственности будут обусловлены неисполнением обязанности по прохождению срочной военной службы, а не политическими убеждениями истца либо иными основаниями, охраняемыми Конвенция о статусе беженцев.

Следовательно, отсутствует необходимая причинно-следственная связь между возможным привлечением к ответственности и одним из защищаемых Конвенцией оснований.

Ответчик также считает, что истцу не грозит несоразмерное либо дискриминационное наказание, которое могло бы рассматриваться как преследование в соответствии с **пунктом «с» части второй § 29 Закона Норвегии «Об иностранцах»**.

Истец не проходил медицинское освидетельствование и до настоящего времени не признан годным к военной службе.

Поэтому в случае возвращения в Россию ему, прежде всего, будут грозить лишь административные штрафы за неявку по повесткам.

Даже при неоднократной неявке применимыми санкциями являются штраф и, возможно, лишение свободы на срок до двух лет в соответствии со **статьёй 328 Уголовного кодекса Российской Федерации**.

По мнению ответчика, подобные санкции не являются чрезмерно суровыми либо явно несоразмерными настолько, чтобы образовывать преследование в смысле Закона Норвегии «Об иностранцах».

Размер предусмотренного наказания не выходит за пределы того, что необходимо государству для реализации его законного права поддерживать вооружённые силы, что соответствует правовой позиции, изложенной в решении *Shepherd v. Germany*, пункты 51–52.

Нормы уголовного законодательства, на которые ссылался истец и которые предусматривают существенно более строгие наказания, применяются лишь после того, как лицо уже зачислено на военную службу. Следовательно, по мнению ответчика, они не имеют отношения к настоящему делу.

Кроме того, отсутствует реальный риск того, что истец будет принуждён к участию в войне против Украины.

Исходя из имеющейся страноведческой информации, UNE пришёл к выводу, что отсутствует конкретный риск направления истца на линию фронта.

По мнению ответчика, именно отсутствие каких-либо существенных сомнений по этому вопросу послужило причиной того, что дело было рассмотрено единолично председателем состава UNE, без передачи его на рассмотрение коллегиального состава.

По мнению ответчика, в Российской Федерации **не проводится всеобщая мобилизация**.

Право на прохождение **альтернативной гражданской службы** закреплено в Конституции Российской Федерации. Хотя воспользоваться этим правом сложно, существуют случаи, когда гражданам всё же удаётся пройти альтернативную службу.

Имеющаяся страноведческая информация свидетельствует о том, что участие в войне в основном обеспечивается военнослужащими, проходящими службу по контракту. Лица, проходящие срочную военную службу, не направляются на линию фронта в рамках обычного прохождения срочной службы.

Ответчик указывает, что суду следует проявлять сдержанность при проверке страноведческих выводов UNE, ссылаясь на решение Rt-2015-1388.

По мнению ответчика, набор на военную службу для участия в войне в основном осуществляется на добровольной основе, хотя государство признаёт существование случаев применения давления и угроз.

Однако такое давление и угрозы, по мнению ответчика, **не достигают уровня преследования**, предусмотренного Законом Норвегии «Об иностранцах».

Ответчик утверждает, что вербовке прежде всего подвергаются наиболее уязвимые категории населения, а именно:

- лица с низким уровнем образования;
- безработные;
- граждане с низкими доходами;
- лица, страдающие алкогольной зависимостью;
- жители небольших городов и сельской местности.

Для привлечения таких лиц используются значительные единовременные выплаты и высокое денежное довольствие.

По утверждению ответчика, уровень бедности в сельских районах России настолько высок, что заключение военного контракта зачастую рассматривается семьями как экономически выгодное решение.

Кроме того, вербовка осуществляется среди:

- лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы;
- мигрантов;
- студентов, которым грозит отчисление;
- граждан, имеющих значительную задолженность.

По мнению ответчика, истец **не относится** к тем категориям лиц, которые особенно подвержены давлению с целью заключения контракта.

Ответчик отмечает, что истец имеет образование, происходит из города Мурманска и производит впечатление человека, обладающего достаточными ресурсами и хорошо осведомлённого о своих правах.

Довод истца о том, что он подвергается повышенному риску вследствие своего происхождения из народа коми, по мнению ответчика, не может быть принят.

Ответчик указывает, что данное обстоятельство было заявлено лишь на поздней стадии рассмотрения дела и выглядит как дополнение первоначальной версии ходатайства о предоставлении убежища.

Кроме того, истец никогда не занимался деятельностью, связанной с защитой прав коренных народов, и публично не заявлял о своей этнической принадлежности. Поэтому даже признание данного обстоятельства не имеет практического значения.

По мнению ответчика, отсутствуют какие-либо индивидуальные особенности истца, которые могли бы свидетельствовать о том, что он подвергнется более тяжёлым последствиям, чем другие граждане России.

Тот факт, что у истца есть или ранее была девушка украинского происхождения, а также то, что он сочувствует Украине, подвергшейся вооружённой агрессии, сам по себе не создаёт для него риска, поскольку он никогда публично не выражал подобных взглядов.

По мнению ответчика, отсутствуют какие-либо основания полагать, что симпатии к Украине делают истца более уязвимым для вербовки либо преследования.

В любом случае, как утверждает ответчик, правозащитные организации способны оказать помощь, позволяющую избежать участия в войне.

Ответчик признаёт, что уклониться от участия в войне значительно сложнее после начала прохождения срочной военной службы. Однако если соответствующая помощь оказывается **до призыва**, избежать службы существенно проще.

Ответчик также заявил, что если суд, вопреки ожиданиям государства, придёт к иному выводу относительно оценки риска, то государство признаёт, что решение UNE является незаконным и подлежит отмене с направлением дела обратно в UNE для проведения новой оценки риска.

Предоставление международной защиты на основании пункта «b» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах»

По мнению ответчика, отсутствует также реальный риск того, что в случае возвращения в Российскую Федерацию истец подвергнется смертной казни, пыткам либо бесчеловечному или унижающему достоинство обращению.

Как уже отмечалось, истцу не грозит конкретная опасность быть направленным на войну против Украины.

Он не проходил медицинское освидетельствование, не зачислен на военную службу и находится лишь на начальной стадии процедуры, связанной с исполнением воинской обязанности.

Максимум, что может ему грозить за неявку на медицинское освидетельствование либо на мероприятия, связанные с прохождением срочной военной службы, — это административные штрафы и обычные меры уголовной ответственности.

По мнению ответчика, такие меры не достигают уровня обращения, запрещённого статьёй 3 Европейская конвенция по правам человека, либо пунктом «b» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах».

Следовательно, отсутствует реальный риск обращения, подпадающего под действие данной нормы.

Предоставление вида на жительство на основании § 38 Закона Норвегии «Об иностранцах»

По мнению ответчика, решение UNE об отказе в предоставлении вида на жительство по гуманитарным основаниям в соответствии с § 38 Закона Норвегии «Об иностранцах» не содержит каких-либо недостатков.

Не имеется ни серьёзных гуманитарных обстоятельств, ни особой связи истца с Норвегией, которые могли бы служить основанием для выдачи ему вида на жительство.

Ответчик считает, что выводы UNE основаны на правильно установленных фактических обстоятельствах, оценка произведена всесторонне и объективно, а принятое решение не является явно необоснованным.

Кроме того, Норвегия **не связана международно-правовым обязательством** предоставлять иностранцам вид на жительство по гуманитарным основаниям.

Определение условий предоставления такого вида на жительство относится к компетенции норвежских властей.

По мнению ответчика, обстоятельства, связанные с состоянием здоровья истца, не достигают чрезвычайно высокого порога, необходимого для применения § 38 Закона.

Спонтанный пневмоторакс, перенесённый истцом, был вылечен, при этом отсутствуют доказательства того, что на момент принятия решения он страдал каким-либо актуальным либо угрожающим жизни физическим заболеванием.

Также отсутствуют доказательства того, что в случае возникновения необходимости соответствующее лечение не может быть получено в Российской Федерации.

Что касается депрессивного состояния, ответчик считает, что оно не представляет собой тяжёлого психического расстройства.

Кроме того, сведения о депрессии были представлены лишь в ходатайстве о пересмотре решения UNE и, по мнению ответчика, носят ситуационный характер, будучи обусловлены самой процедурой рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища.

Довод истца об отсутствии у него социальной поддержки в России также, по мнению ответчика, не может служить основанием для удовлетворения требований.

Истец родился и вырос в России, владеет русским языком, знаком с российской культурой, получил образование в Российской Федерации и имеет родственников, проживающих в стране.

Даже если его контакты с некоторыми из них ограничены, он является совершеннолетним и способен самостоятельно обеспечить своё существование.

По ходатайству о принятии обеспечительных мер

По мнению ответчика, решение и последующее постановление UNE являются законными, вследствие чего основное требование истца не может считаться достаточно обоснованным.

Истец не имеет права ни на предоставление международной защиты в соответствии с **§ 28 Закона Норвегии «Об иностранцах»**, ни на выдачу вида на жительство по гуманитарным основаниям в соответствии с **§ 38** указанного Закона.

Кроме того, истец не доказал существование риска причинения ему вреда такого характера, который требовал бы принятия временных обеспечительных мер для предотвращения существенного ущерба либо иных серьёзных неблагоприятных последствий.

Следовательно, по мнению ответчика, отсутствуют предусмотренные законом основания для применения обеспечительных мер.

Следовательно, по мнению ответчика, ходатайство о принятии обеспечительных мер удовлетворению не подлежит.

Требования ответчика

По основному иску

1. Отказать в удовлетворении иска к Государству в лице Иммиграционного апелляционного совета (UNE).
2. Взыскать с истца в пользу Государства в лице UNE судебные расходы.

По ходатайству о принятии обеспечительных мерах

1. Отказать в удовлетворении ходатайства о принятии обеспечительных мер.
2. Взыскать с истца в пользу Государства в лице UNE судебные расходы.

ОЦЕНКА СУДА

Введение

Суду предстоит проверить законность решения Иммиграционного апелляционного совета (UNE) от 9 апреля 2026 года, которым было отказано в пересмотре решения UNE от 5 марта 2026 года об отказе в предоставлении международной защиты и вида на жительство по гуманитарным основаниям.

Поскольку решение и постановление UNE содержат ссылки на решение Директората по делам иностранцев Норвегии (UDI) от 5 июня 2025 года, суд фактически будет оценивать законность оспариваемого решения с учётом мотивировки, изложенной во всех трёх указанных актах.

Имеются ли недостатки в решении об отказе в предоставлении международной защиты

Прежде всего суд рассматривает вопрос о законности отказа в предоставлении международной защиты.

Суду необходимо определить, основано ли решение UNE на правильно установленных фактических обстоятельствах, правильном применении норм права и соблюдении установленной процедуры рассмотрения дела.

Суд приводит положения **части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах»**, регулирующие предоставление международной защиты.

§ 28. Вид на жительство для иностранных граждан, нуждающихся в международной защите (убежище)

Иностранный гражданин, находящийся на территории Норвегии либо на её государственной границе, по его заявлению признаётся беженцем, если он:

а) имеет обоснованные опасения подвергнуться преследованию по признаку этнической принадлежности, происхождения, цвета кожи, религии, гражданства, принадлежности к определённой социальной группе либо политических убеждений и вследствие таких опасений не может либо не желает пользоваться защитой государства своего гражданства в

соответствии со **статьёй 1А Конвенция о статусе беженцев от 28 июля 1951 года** и **Протоколом, касающимся статуса беженцев от 31 января 1967 года;**

или

б) хотя и не подпадает под действие пункта «а», однако подвергается **реальной опасности** смертной казни, пыток либо иного бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в случае возвращения в страну происхождения.

Вопрос о наличии у заявителя права на получение убежища представляет собой вопрос применения права к установленным фактическим обстоятельствам (**правовое усмотрение**) и подлежит **полному судебному контролю**.

Вместе с тем в судебной практике признаётся, что суды должны проявлять определённую сдержанность при пересмотре оценок административных органов в вопросах, требующих специальных знаний. Это относится и к решениям иммиграционных органов, основанным на специальных страноведческих знаниях (country of origin information), что подтверждается решением Верховного суда Норвегии Rt-1991-586.

Кроме того, в решении LB-2010-124114 указано, что суду следует проявлять определённую осторожность при пересмотре выводов иммиграционных органов в случаях, когда их оценка представляется обоснованной и в ходе судебного разбирательства не было представлено новых сведений.

Суд отмечает, что заявленные истцом основания преследования принимаются во внимание постольку, поскольку они представляются **в достаточной степени вероятными**, при условии, что заявитель добросовестно содействовал выяснению обстоятельств дела настолько, насколько это было разумно и возможно.

Если заявитель в целом признан заслуживающим доверия, то для принятия его объяснений **не требуется**, чтобы их достоверность была доказана с перевесом вероятностей. Такой подход следует из решения Верховного суда Норвегии Rt-2011-1481.

В настоящем деле иммиграционные органы основывали свою оценку именно на объяснениях истца.

Следовательно, суду нет необходимости самостоятельно проводить оценку достоверности его показаний.

За исключением заявления истца о его принадлежности к этнической группе коми, из решения и постановления UNE следует, что при оценке риска были приняты во внимание все объяснения истца.

Что касается ранее заявленного утверждения о принадлежности к ненцам, представитель истца пояснил, что оно возникло вследствие недоразумения со стороны адвоката.

Относительно понятия «обоснованные опасения преследования», содержащегося в пункте «а» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах», суд отмечает, что при оценке риска применяется более низкий стандарт доказывания, чем правило о перевесе вероятностей.

Решающим является наличие реального риска.

Такой же критерий прямо закреплён и в пункте «b» части первой § 28 Закона.

Оценка должна носить объективный характер.

При рассмотрении дела суд исходит из обстоятельств, существовавших на момент принятия административного решения, однако вправе учитывать новые доказательства, если они позволяют лучше понять ситуацию, существовавшую на тот момент. Такой подход подтверждён решением Верховного суда Норвегии Rt-2012-1985.

Прежде всего суд рассмотрит дело с точки зрения пункта «a» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах».

Данная норма имплементирует в норвежское право определение понятия «беженец», содержащееся в пункте 2 статьи 1А Конвенция о статусе беженцев.

Поэтому практика применения определения беженца в других государствах также может иметь значение при решении вопроса о наличии у лица права на международную защиту.

Суд отмечает, что стороны **не оспаривают** следующие обстоятельства:

- в Российской Федерации существует обязательная срочная военная служба продолжительностью один год для лиц в возрасте от **18 до 30 лет**;
- российские вооружённые силы состоят из:
 - военнослужащих срочной службы;
 - резервистов, которые могут быть призваны на военную службу вплоть до достижения **65-летнего возраста**;
 - военнослужащих, проходящих службу по контракту.

Как уже отмечалось ранее, в России не объявлена всеобщая мобилизация для участия в войне против Украины; вместо этого применяется так называемая частичная (гибридная) мобилизация.

Также стороны не оспаривают, что лицам, проходящим срочную военную службу, предлагается заключить контракт для участия в боевых действиях на основе их формально добровольного согласия.

Истец утверждает, что его ситуация подпадает под специально определённые формы преследования, предусмотренные пунктами «с» и «е» части второй § 29 Закона Норвегии «Об иностранцах», а именно:

с. уголовное преследование и исполнение наказания, которые являются несоразмерными или дискриминационными;

е. уголовное преследование за отказ от прохождения военной службы в вооружённом конфликте, если такая служба предполагает совершение преступлений или иных деяний, указанных в части первой § 31 Закона.

Ссылка в пункте «е» части второй § 29 на часть первую § 31 Закона «Об иностранцах» означает, что преследованием признаётся риск подвергнуться наказанию за отказ от участия в военной службе в вооружённом конфликте, в ходе которого лицо будет вовлечено в совершение военных преступлений.

По мнению суда, данное положение следует понимать таким образом, что оно в равной степени применяется и к случаям, когда лицо принуждается к прохождению такой военной службы.

Конкретный вопрос, подлежащий разрешению в настоящем деле, заключается в следующем:

- существует ли реальный риск того, что истец подвергнется в Российской Федерации несоразмерному наказанию за отказ от прохождения срочной военной службы по одному из оснований, защищаемых Конвенцией о статусе беженцев, таким образом, что это наказание будет представлять собой преследование в смысле пункта «с» части второй § 29 Закона «Об иностранцах»;

или

- существует ли реальный риск того, что после возвращения в Россию истец будет призван на срочную военную службу, а затем принуждён заключить контракт и участвовать в войне против Украины, что повлечёт его участие в совершении военных преступлений в смысле пункта «е» части второй § 29 Закона «Об иностранцах»;

либо, в качестве альтернативы,

- существует ли риск того, что за отказ быть направленным на войну ему будет назначено длительное наказание в виде лишения свободы.

Основной довод истца заключается в том, что после возвращения в Российскую Федерацию он будет призван на срочную военную службу, а затем принуждён к участию в войне против Украины, вследствие чего окажется вовлечённым в совершение военных преступлений.

Вместе с тем истец также утверждает, что даже само по себе наказание за отказ от прохождения срочной военной службы либо иной военной службы будет носить несоразмерный характер.

Суд отмечает, что ответчик обратил внимание на то, что пункт «а» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах» содержит требование о наличии причинно-следственной связи между теми последствиями, которых опасается заявитель (то есть преследованием), и одним из оснований, предусмотренных Конвенцией о статусе беженцев.

В настоящем деле такими основаниями являются:

- политические убеждения истца (его неприятие агрессивной войны России против Украины);
- либо его принадлежность к определённой социальной группе, а именно к пацифистам.

Эйен разъясняет, что проситель убежища (как правило) подвергается наказанию за уклонение от военной службы, а не потому, что придерживается определённых религиозных или политических взглядов. Иными словами, лицо наказывается за совершённое правонарушение, а не за те политические убеждения, которые побудили его совершить это правонарушение.

Поэтому, по мнению Эйена, требование о наличии причинно-следственной связи между преследованием и одним из оснований, предусмотренных Конвенцией о статусе беженцев, как правило, не считается выполненным в случаях отказа от военной службы или дезертирства.

Вместе с тем далее Эйен пишет: Наказание за отказ от военной службы или дезертирство в отдельных случаях может служить основанием для предоставления статуса беженца.

В норвежском и международном праве существуют два чётко сформулированных исключения:

- (1) заявителю грозит **несоразмерно суровое наказание** по причине одного из оснований, предусмотренных Конвенцией о статусе беженцев;
- (2) прохождение военной службы предполагает, что заявитель может оказаться вовлечённым в совершение тяжких преступлений.

Эти исключения пользуются широкой международной поддержкой. Они, в частности, закреплены в пункте 2 статьи 9 Квалификационной директивы Европейского союза (*EU Qualification Directive*), а также в части второй § 29 Закона Норвегии «Об иностранцах», где перечислены различные формы преследования.

Что касается первого исключения, при котором заявителю грозит несооразмерно суровое наказание, обусловленное одним из оснований, предусмотренных Конвенцией, суд отмечает, что в таком случае требование о наличии причинно-следственной связи, установленное пунктом «а» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах», считается выполненным.

Более сложным с точки зрения требования о причинной связи является **второе исключение**.

Однако суд понял позицию Эйена таким образом, что он предлагает **расширительное толкование** требования о причинной связи, при котором оно охватывает более широкий круг ситуаций, чем это допускается при строгом юридическом понимании причинности. Эйен также отмечает, что Суд Европейского союза использует иной подход, однако приходит к тому же практическому результату.

В опубликованном в ноябре 2025 года обзоре судебной практики European Union Agency for Asylum под названием «Военная служба и международная защита в Европе. Судебная практика по делам заявителей, ссылающихся на обязательную военную службу, уклонение от призыва и дезертирство как основания для предоставления защиты» (*Military Service and International Protection in Europe, Jurisprudence on applicants invoking compulsory military service, draft evasion and desertion as protection ground*) также указывается, что преследование в делах, связанных с отказом от военной службы, обычно должно осуществляться «по причине» одного из оснований, предусмотренных Конвенцией о статусе беженцев, чтобы возникло право на международную защиту.

Вместе с тем, со ссылкой на пункт (е) части 2 статьи 9 Квалификационной директивы ЕС и судебную практику государств Европейского союза, EUAА исходит из сильной презумпции того, что именно политические убеждения заявителя являются причиной, по которой ему грозит уголовное преследование за отказ проходить военную службу в вооружённом конфликте, предполагающем совершение военных преступлений.

Как понимает суд, это означает, что в случаях, когда имеет место форма преследования, предусмотренная пунктом «е» части второй § 29 Закона Норвегии «Об иностранцах», вопрос о наличии причинно-следственной связи не приобретает самостоятельного решающего значения, поскольку предполагается, что соответствующая связь существует.

Суд прежде всего рассматривает вопрос о том, имел ли истец право на международную защиту в связи с тем, что по одному из оснований, предусмотренных Конвенцией о статусе беженцев,

ему грозит несоразмерно суровое наказание за уклонение от прохождения срочной военной службы, в соответствии с пунктом «с» части второй § 29 Закона Норвегии «Об иностранцах».

Поскольку истец не прошёл медицинское освидетельствование, проводимое перед призывом на срочную военную службу, и не был зачислен на военную службу, речь в настоящее время идёт лишь об отказе от прохождения срочной военной службы, а не о дезертирстве после начала её прохождения.

На основании анализа российского законодательства, содержащегося в докладе EUAA, а также показаний российского военного юриста Артёма Клыги, суд приходит к выводу, что максимальное наказание, которому может подвергнуться истец, составляет до двух лет лишения свободы.

Суд отмечает, что Артём Клыга возглавляет юридический отдел движения российских отказчиков от военной службы Stoparmy Movement. Эта организация также упоминается как Movement of Conscientious Objectors («Движение сознательных отказчиков»).

Кроме того, он работает в немецкой организации, занимающейся вопросами отказа от военной службы, дезертирства и антивоенной деятельности, оказывающей помощь лицам, отказывающимся от прохождения военной службы и обращающимся за предоставлением убежища, где он является координатором программы по Восточной Европе.

Поскольку представитель истца утверждал, что Клыга говорил о риске назначения значительно более длительного срока лишения свободы, суд считает необходимым отметить, что **он понял показания Клыги иначе.**

По мнению суда, Клыга пояснил, что риск наказания до десяти лет лишения свободы возникает лишь в случае дезертирства после начала прохождения срочной военной службы, тогда как в настоящем деле такая ситуация отсутствует.

Поскольку, по оценке суда, наказание в виде штрафа либо лишения свободы на срок до двух лет не является несоразмерным наказанием за уклонение от прохождения срочной военной службы, пункт «с» части второй § 29 Закона Норвегии «Об иностранцах» не может служить основанием для предоставления истцу международной защиты.

Затем суд переходит к рассмотрению вопроса о том, имеются ли недостатки в оценке UNE относительно риска того, что истец будет вовлечён в участие России в войне против Украины.

Как уже отмечалось выше, если существует реальный риск того, что истец будет направлен на войну либо подвергнется уголовному преследованию за отказ проходить военную службу в вооружённом конфликте, предполагающем совершение военных преступлений, он имеет право на международную защиту.

При этом не требуется устанавливать конкретную причинно-следственную связь между таким риском и одним из оснований, предусмотренных Конвенцией о статусе беженцев.

Достаточно установить наличие реального риска того, что лицо:

- будет принуждено к прохождению такой военной службы;
- либо подвергнется наказанию за отказ проходить такую службу.

Поскольку риск участия в военных преступлениях отсутствовал бы в случае реальной возможности прохождения альтернативной гражданской службы, суд отмечает, что Артём Клыга показал следующее.

По его словам, альтернативная гражданская служба в России существует лишь формально, однако получить право на её прохождение крайне сложно.

Клыга сослался на официальную российскую статистику за 2025 год, согласно которой 295 000 человек были призваны на срочную военную службу, тогда как лишь 3 212 человек получили разрешение на прохождение альтернативной гражданской службы.

По мнению Клыги, это настолько незначительное число, что альтернативная служба не может рассматриваться как реально доступная возможность.

Он также пояснил, что условия предоставления права на альтернативную службу применяются настолько **субъективно**, что невозможно определить, какие именно документы необходимо представить для удовлетворения соответствующего заявления.

Вибеке Колдеруп из Landinfo подтвердила, что в соответствии с российским законодательством право на прохождение альтернативной гражданской службы может быть предоставлено по мотивам религиозных либо иных убеждений и что в настоящее время такое разрешение ежегодно получают около 3 000 человек.

Она не высказала возражений относительно показаний Артёма Клыги по данному вопросу.

Говоря о его показаниях в целом, она отметила, что «ничто из сказанного им не показалось неправильным» и что это «соответствует тому, что я слышала из других источников».

Вместе с тем она указала, что для неё новой была информация о том, что военнослужащих срочной службы принуждают подписывать контракт под угрозой применения мер уголовной ответственности.

Однако она добавила, что «это согласуется с тем обстоятельством, что такие лица уже находятся на военной службе».

Суд отмечает, что упомянутый выше доклад European Union Agency for Asylum содержит ссылки на судебную практику государств Европейского союза, подтверждающую вывод о том, что альтернативная гражданская служба на практике не защищает лицо от необходимости прохождения срочной военной службы, а следовательно, не защищает и от риска принудительной вербовки для участия в войне против Украины.

Суду было сообщено, что M.A. v. Office français de protection des réfugiés et apatrides (OFPRA) признал, что институт альтернативной гражданской службы предусмотрен российским законодательством, однако указал, что в рассматриваемом деле он был недоступен для заявителя, поскольку тот являлся резервистом.

Французский суд по делам убежища также отметил, что после объявления частичной мобилизации в 2022 году заявления о прохождении альтернативной службы систематически отклонялись.

В решении Applicant v. Office of Citizenship and Migration Affairs также был сделан вывод о том, что российская система альтернативной гражданской службы фактически является недоступной.

В более позднем решении того же суда — Applicant v. Office of Citizenship and Migration Affairs — было признано, что российское законодательство формально предусматривает возможность прохождения альтернативной гражданской службы, однако это не изменило исходного вывода об отсутствии её реальной доступности на практике.

Аналогичное решение было вынесено и в Германии — Applicant v. Federal Office for Migration and Refugees (BAMF).

Как отмечено в докладе EУАА, вывод данного решения заключается в следующем:

«Административный суд Магдебурга пришёл к аналогичному выводу, признав не только отсутствие реальной альтернативы военной службе в России, но и отсутствие эффективных средств правовой защиты или обжалования решений о призыве.»

Учитывая, что к моменту возвращения в Российскую Федерацию истец будет отсутствовать в стране почти четыре года, уклонялся от явки по повесткам на медицинское освидетельствование, являющееся начальным этапом призыва на срочную военную службу, внешне выглядит годным к прохождению военной службы, а также длительное время находился в государстве, которое Россия рассматривает как недружественное, суд не усматривает реальной возможности для истца избежать прохождения срочной военной службы путём обращения с заявлением о прохождении альтернативной гражданской службы.

Суд также отмечает, что вследствие значительных потерь Россия испытывает острую потребность в военнотружущих для ведения войны против Украины, что лица, проходящие срочную военную службу, являются естественным источником пополнения личного состава, а также что представляется вполне вероятным, что российские власти будут стремиться продемонстрировать, что уклонение от прохождения срочной военной службы не остаётся без последствий, как это фактически произошло в случае истца.

Суд не принимает во внимание утверждение истца о его принадлежности к народу коми

Данный довод подтверждён недостаточно. Истец не сообщил каких-либо обстоятельств, свидетельствующих о том, что его этническое происхождение является очевидным для окружающих либо каким-либо образом проявляется вовне.

Поскольку позиция истца заключается в том, что в его случае существует непосредственная взаимосвязь между возвращением в Российскую Федерацию, принудительным прохождением срочной военной службы и последующим принудительным вовлечением в войну против Украины, суд считает правильным оценивать риск в совокупности, а не ограничиваться рассмотрением лишь первого этапа — риска призыва на срочную военную службу.

Как понимает суд позицию сторон, в принципе отсутствует спор относительно того, что принудительное направление для участия в боевых действиях на территории Украины представляет собой преследование.

Что касается вероятности участия в совершении военных преступлений, суд дополнительно отмечает, что вооружённая агрессия России против Украины осуждена международным сообществом.

Кроме того, в упомянутом выше докладе European Union Agency for Asylum указывается, что европейские суды и Суд Европейского союза рассматривают российскую войну против Украины как ситуацию, при которой существует реальный риск того, что военнослужащие могут оказаться вовлечёнными в совершение военных преступлений либо иных деяний, подпадающих под действие пункта (е) части 2 статьи 9 Квалификационной директивы ЕС.

Суд также отмечает, что общеизвестным фактом является расследование значительного числа действий российских вооружённых сил в Украине как предполагаемых военных преступлений со стороны:

- Организация Объединённых Наций;
- Международный уголовный суд (ИСС);
- правозащитных организаций;
- украинских государственных органов.

Речь, в частности, идёт о расследовании:

- убийств мирных жителей;
- пыток и жестокого обращения с гражданским населением;
- насильственного вывоза украинских детей;
- ударов по гражданским объектам и объектам инфраструктуры;
- бомбардировок больниц, театров и иных объектов, пользующихся защитой международного гуманитарного права.

Суд также отмечает, что Международный уголовный суд уже выдал несколько ордеров на арест по делам, связанным с действиями России в Украине.

Следовательно, речь идёт именно о нарушениях международного гуманитарного права, регулирующего ведение войны, а не просто об отождествлении агрессивной войны с военными преступлениями.

Поэтому суд не усматривает каких-либо сомнений в том, что в случае участия в войне истец будет лично совершать либо содействовать совершению деяний, которые по своему характеру являются военными преступлениями.

Следовательно, он окажется в ситуации, представляющей собой преследование в смысле пункта «е» части второй § 29 Закона Норвегии «Об иностранцах».

Таким образом, суду остаётся разрешить лишь вопрос о фактической вероятности того, что истец будет принуждён к участию в войне.

Иными словами, необходимо определить, является ли такой риск реальным.

Как уже отмечалось, основной довод истца заключается в том, что после возвращения в Российскую Федерацию он будет задержан и практически сразу направлен на срочную военную службу, после чего его принудят заключить контракт для участия в войне.

Истец утверждает, что:

- в России отсутствуют лица или организации, способные оказать ему эффективную помощь;

- вследствие огромных потерь российской армии вербовка приобрела значительно более агрессивный характер;
- утверждение о том, что военнослужащие срочной службы могут отказаться от подписания контракта, не соответствует действительности;
- благодаря новой электронной системе российским властям уже известно, что он уклонялся от исполнения воинской обязанности и как долго это продолжалось.

Истец считает, что, принимая во внимание его молодой возраст, факт уклонения от призыва с выездом в государство, которое Россия рассматривает как недружественное, а также отсутствие у него влиятельных родственников или иных лиц в России, способных оказать ему помощь, он будет направлен на войну.

Государство, как уже отмечалось, признаёт, что военнообязанные подвергаются давлению с целью склонить их к заключению контракта, однако считает, что риск принудительного направления истца на войну настолько незначителен, что не может рассматриваться как реальный.

Суд приводит выдержку из решения UNE от 9 апреля 2026 года, которым было оставлено в силе решение UNE от 5 марта 2026 года (подчёркивание добавлено судом):

По мнению UNE, доклад Норвежского Хельсинкского комитета «Как Россия набирает солдат для войны против Украины» от 12 декабря 2025 года не содержит информации или сведений, которые изменяли бы страноведческие выводы, уже положенные в основу решения UNE.

Хотя случаи давления или манипулирования в отношении военнообязанных, безусловно, имеют место, военнообязанные по-прежнему могут отказаться от заключения контракта для участия в возможной военной службе на российском фронте.

Кроме того, исходя из имеющихся в деле сведений, нельзя считать установленным, что заявитель ранее проходил медицинское освидетельствование и (или) был признан годным к прохождению всеобщей военной службы.

Суд отмечает, что при вынесении решения от 5 марта 2026 года UNE согласился с мотивировкой UDI, дополнив её отдельными замечаниями.

Ниже суд приводит соответствующий фрагмент мотивировочной части решения UDI (подчёркивание добавлено судом):

Хотя после возвращения в Российскую Федерацию Вы можете быть призваны на срочную военную службу, UDI считает, что отсутствует реальный риск того, что Вы будете принуждены к участию в войне против Украины.

Воинская обязанность закреплена в Конституции Российской Федерации, и все мужчины в возрасте от 18 до 30 лет могут быть призваны на срочную военную службу.

Нам известно, что в начале полномасштабного вторжения сообщалось о случаях участия военнослужащих срочной службы в боевых действиях на территории Украины.

*Однако, согласно источникам **Landinfo**, в настоящее время военнослужащие срочной службы не направляются на линию фронта в Украине.*

Нам также известно, что после четырёх месяцев прохождения срочной службы военнослужащие могут заключить контракт с Вооружёнными силами Российской Федерации, что делает возможным их направление в Украину.

Согласно источникам Landinfo, для того чтобы склонить военнослужащих срочной службы к подписанию контракта, используются различные способы воздействия, включая материальные стимулы и патриотическую риторику. Нам также известно о случаях применения принуждения.

Однако мы считаем, что имеющаяся страноведческая информация не свидетельствует о том, что использование принуждения с целью заставить военнослужащих срочной службы подписать контракт носит настолько распространённый характер, чтобы можно было сделать общий вывод о существовании реального риска для всех лиц, проходящих срочную военную службу.

Нам также известно о сообщениях, согласно которым военнослужащие срочной службы привлекались к участию в боевых действиях против украинских вооружённых сил в приграничных районах с Украиной.

Уголовное преследование за отказ от прохождения военной службы в вооружённом конфликте, в ходе которого такая служба предполагает совершение деяний, исключающих право на международную защиту, может представлять собой преследование в соответствии с пунктом «е» части второй § 29 Закона Норвегии «Об иностранцах».

Однако отсутствует достаточная вероятность того, что в ходе прохождения военной службы Вы будете обязаны лично участвовать либо содействовать совершению подобных деяний.

Мы также отмечаем, что нам неизвестны случаи участия военнослужащих срочной службы в совершении тяжких преступлений в Курской области.

Мы не исключаем, что военнослужащие срочной службы могут привлекаться к выполнению задач, которые косвенно могут рассматриваться как содействие войне против Украины. Однако, по нашему мнению, такие действия не являются участием или содействием совершению тяжких преступлений в том смысле, в котором это понятие используется в Законе Норвегии «Об иностранцах».

Право на прохождение альтернативной гражданской службы по мотивам религиозных убеждений либо по соображениям совести закреплено в Конституции Российской Федерации.

Исходя из изложенной выше информации, мы считаем, что Вы не подвергаетесь риску быть принудительно направленным для прохождения военной службы в Украине, поскольку в настоящее время мобилизация не проводится, а военнослужащие срочной службы в настоящее время не направляются на линию фронта в Украине.

Кроме того, мы считаем, что Вам не грозит уголовное преследование в связи с тем, что Вы покинули Российскую Федерацию.

Мы отмечаем, что выезд из России мужчин призывного возраста сам по себе не является уголовно наказуемым деянием. Источникам Landinfo также неизвестны случаи задержания лиц, покинувших Россию в период мобилизации осенью 2022 года.

В решении от **5 марта 2026 года** UNE дополнительно указал следующее относительно прохождения срочной военной службы и риска принудительного направления на войну против Украины (подчёркивание добавлено судом):

Прохождение такой службы само по себе не означает обязательного участия в войне против Украины.

Военнослужащий, проходящий срочную военную службу, может быть направлен для службы в различные регионы Российской Федерации, включая приграничные районы, однако не на российский фронт.

Согласно имеющейся информации, российские власти в основном используют в войне против Украины военнослужащих, проходящих службу по контракту.

Вместе с тем военнослужащие срочной службы могут привлекаться к выполнению задач, связанных с материально-техническим обеспечением и оказанием помощи военнослужащим, находящимся на линии фронта, не принимая при этом непосредственного участия в боевых действиях.

Вербовка военнослужащих срочной службы является важным направлением деятельности российских властей. При этом нельзя исключать применение социального давления и различных манипуляций наряду с использованием материальных стимулов.

Также сообщалось об отдельных случаях применения насилия и подделки подписей.

Тем не менее общее впечатление состоит в том, что в большинстве случаев вербовка осуществляется на добровольной основе.

Насколько UNE понимает имеющуюся страноведческую информацию, военнослужащий срочной службы может отказаться от заключения контракта для прохождения службы на линии фронта.

Кроме того, существуют правозащитные организации, которые оказывают военнослужащим срочной службы, подвергающимся давлению, необходимую юридическую помощь.

Заявитель также утверждал, что опасается применения к нему мер ответственности в связи с неявкой на медицинское освидетельствование (или мероприятия, связанные с призывом).

В этой связи он указал, что уже после прибытия в Норвегию продолжал получать новые повестки из военного комиссариата.

По мнению UNE, это свидетельствует о том, что российским властям до сих пор неизвестно о том, что заявитель покинул территорию Российской Федерации.

По мнению суда, приведённые выше выводы UNE описывают значительно меньший риск принудительного участия в войне, чем тот, который был представлен тремя свидетелями, допрошенными в ходе судебного разбирательства.

Речь идёт о следующих свидетелях:

- Артёме Клыге из российской организации **Stoparmy Movement**;
- Инне Сангаджиевой из **Норвежского Хельсинкского комитета**;
- Вибекке Колдеруп из **Landinfo**.

Для полноты изложения суд отмечает, что Вибекке Колдеруп пояснила: Stoparmy Movement и Норвежский Хельсинкский комитет относятся к числу источников информации, которыми пользуется Landinfo.

Прежде чем изложить содержание показаний трёх свидетелей, суд отмечает, что все они были единодушны в следующем.

Во-первых, изменение российского законодательства, вступившее в силу 1 января 2026 года, означает, что граждане, подлежащие призыву, теперь вызываются на срочную военную службу непрерывно в течение всего года, а не только в ходе двух ежегодных призывных кампаний.

Во-вторых, свидетели подтвердили, что после 2022 года в России была создана единая федеральная электронная система, содержащая обширную информацию о каждом военнообязанном.

В эту систему включаются, в частности:

- имя и адрес;
- сведения из школ и высших учебных заведений;
- информация о месте работы;
- банковские данные;
- сведения о состоянии здоровья;
- информация органов полиции;
- сведения налоговых органов;
- и иные данные.

Суд отмечает, что в связи с этим предположение UNE, изложенное в решении от 5 марта 2026 года, согласно которому российским властям неизвестно, что истец покинул страну, скорее всего, является неверным.

Суд также добавляет, что существование такой электронной базы данных имеет существенное значение при оценке вероятности того, что после возвращения в Россию истец будет быстро идентифицирован как лицо, фактически уклонявшееся от прохождения срочной военной службы.

Вибекке Колдеруп из Landinfo пояснила, что вызов на медицинское освидетельствование (призывную комиссию), равно как и сама повестка о призыве на срочную военную службу, теперь направляются в электронном виде через систему, сопоставимую с норвежским государственным порталом Altinn.

По словам Колдеруп, во время прохождения призывной комиссии гражданин проходит собеседование, в ходе которого может сообщить о наличии обстоятельств, освобождающих его от службы либо позволяющих отсрочить её прохождение.

Она отметила, что освобождение может предоставляться по медицинским основаниям, вследствие признания лица негодным к военной службе, а также, например, в связи с

необходимостью ухода за престарелыми родителями либо наличием большого количества детей.

Вместе с тем стороны не утверждают, что истец мог бы быть освобождён от прохождения срочной военной службы по каким-либо из этих оснований.

Относительно вероятности призыва на срочную военную службу с последующим принуждением к участию в войне против Украины Артём Клыга заявил, что такой риск является значительным.

По его словам, когда лицо моложе 30 лет возвращается в Российскую Федерацию, пограничная служба передаёт сведения о его въезде в военные комиссариаты, после чего гражданина вызывают на призывную комиссию и медицинское освидетельствование.

Если лицо без уважительной причины не является по вызову, военный комиссариат вправе обратиться в полицию с требованием о его принудительной доставке.

По словам Клыги, полиция не доставляет таких лиц в отделения полиции, а непосредственно привозит их в военный комиссариат.

Там человеку разъясняют, что он нарушил требования законодательства, не явившись по повестке, и именно поэтому был принудительно доставлен.

После этого он проходит медицинское освидетельствование и заседание призывной комиссии.

По словам Клыги, всё это время человек удерживается принудительно.

Клыга сообщил, что его организация сталкивается с большим количеством подобных случаев, особенно в Москве.

Далее, по его словам, оформляется решение о том, что гражданин уже проходит срочную военную службу.

Если после этого человек попытается скрыться, ему может грозить наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет.

По словам Клыги, после прохождения призывной комиссии гражданин считается уже зачисленным на срочную военную службу, и с этого момента его могут принудить подписать контракт, предусматривающий направление на войну.

Это может произойти уже в первый день прохождения срочной службы, несмотря на то что формально действующее законодательство не предусматривает направление военнослужащих срочной службы на войну.

По мнению Клыги, давление, оказываемое на военнослужащих срочной службы с целью заставить их заключить контракт, настолько велико, что утверждение о том, что срочники не направляются на войну, не соответствует действительности.

Он сообщил, что начиная с августа 2024 года его организация получила очень большое количество обращений от военнослужащих срочной службы, которых принуждали подписывать такие контракты.

По его словам, первоначально людей пытаются обманом склонить к заключению контракта, а затем начинают угрожать им уголовным преследованием, чтобы добиться подписания соответствующих документов.

Если человек не поддаётся психологическому давлению, то, по словам Клыги, его могут избивать, лишать сна, заставлять выполнять бессмысленные работы и подвергать иным формам воздействия, чтобы принудить его «добровольно» заключить контракт на военную службу.

Инна Сангаджиева также однозначно заявила, что риск того, что истец будет выявлен государственной системой и принуждён к заключению контракта, является крайне высоким.

Она подчеркнула, что электронная система регистрирует всех лиц, пересекающих государственную границу, вследствие чего истец может получить повестку на срочную военную службу сразу после въезда в Россию.

По её словам, направление повесток непосредственно при пересечении границы не является новой практикой, поскольку аналогичным образом происходило с чеченцами, возвращавшимися в Россию из Осло.

Она добавила, что военнослужащих срочной службы не всегда направляют непосредственно на линию фронта, однако для того, чтобы заставить их подписать контракт, используются «все возможные способы воздействия», включая:

- материальное поощрение;
- обман;
- принуждение;
- применение насилия.

Она описала случаи пыток и жестокого обращения, когда военнослужащих привязывали к деревьям, удерживали в ямах и подвергали иным формам физического насилия.

По словам Сангаджиевой, давление, оказываемое на военнослужащих срочной службы с целью перевода их на контрактную службу, носит «массовый и систематический характер».

По её мнению, различается лишь степень применяемого принуждения.

Она также заявила, что с учётом того, что истец:

- находится в возрасте от 18 до 30 лет;
- длительное время проживал за пределами России;
- не проходил срочную военную службу;
- не имеет сети поддержки в России,

«риск является очень высоким», и «наиболее вероятно, что его задержат — вопрос лишь во времени».

Сангаджиева сослалась на рекомендации правозащитных организаций, согласно которым гражданину ни при каких обстоятельствах не следует лично являться в военный комиссариат. Вместо этого рекомендуется направлять женщину-родственницу по доверенности, которая могла бы попытаться воспрепятствовать призыву на срочную военную службу и последующему принуждению к участию в войне.

Она также привела примеры, когда военнослужащие срочной службы направлялись на войну без подписания контракта.

По мнению Сангаджиевой, существует существенный разрыв между тем, что предусмотрено законодательством, и тем, как система действует на практике.

Она также описала практику, при которой российским университетам устанавливается обязанность обеспечить направление 2 % студентов на военную службу для участия в войне. По её словам, в связи с этим особое давление оказывается на студентов, которые:

- не сдали экзамены;
- получают низкие оценки;
- либо хотят взять академический отпуск.

Сангаджиева подчеркнула, что у лиц, отказывающихся от военной службы, практически отсутствуют реальные возможности защитить свои права, а единственным способом избежать призыва остаются личные связи и значительные финансовые ресурсы.

По её словам, в настоящее время на территории России больше не существует организаций, способных оказывать такую помощь, поскольку российские власти объявили соответствующих активистов «иностранными агентами» и «террористами». Вследствие этого обращение к ним само по себе может повлечь уголовно наказуемые последствия.

Она также указала на общую тенденцию развития ситуации в России, отметив, что ФСБ фактически взяла на себя ведущую роль в управлении государственными процессами.

По её словам, электронная система содержит настолько большой объём сведений о каждом военнообязанном, что позволяет государственным органам использовать эту информацию для контроля над призывниками и злоупотреблять ею.

Наконец, Сангаджиева сообщила, что ей известны случаи, когда гражданам России было отказано в предоставлении международной защиты в европейских государствах, после чего после их принудительного возвращения в Россию они исчезали.

Вибекке Колдеруп из Landinfo высказывалась несколько более осторожно, однако подтвердила ряд тех же основных обстоятельств.

В частности, она подтвердила порядок внесения граждан в реестр военнообязанных, их вызова на призывную комиссию и последующего призыва на военную службу, а также то, что призыв на срочную военную службу теперь осуществляется непрерывно в течение всего года.

По словам Колдеруп, лица, проходящие срочную военную службу, являются одной из категорий, «из которых российские власти активно набирают людей».

Она сообщила, что ещё несколько лет назад Landinfo получила информацию о том, что военнослужащих срочной службы принуждают подписывать контракты для участия в войне, и что в настоящее время организация получает всё больше сведений о том, каким образом это происходит на практике.

По словам Колдеруп, «на них оказывается очень сильное давление с целью заставить подписать контракт», а «если это не помогает, им начинают угрожать».

Она также подтвердила, что Landinfo получает сообщения о применении насилия, когда уговоры оказываются безрезультатными.

Вместе с тем Колдеруп продолжала придерживаться позиции, что военнослужащие срочной службы как правило не должны непосредственно использоваться в войне, а в боевых действиях участвуют профессиональные военнослужащие.

Однако, как уже отмечалось выше, она согласилась с тем, что именно военнослужащие срочной службы во всё большей степени подвергаются давлению с целью подписания контрактов о прохождении профессиональной военной службы.

Суд отмечает, что из показаний свидетелей последовательно следует одна и та же картина:

в случае возвращения в Российскую Федерацию истец в кратчайшие сроки будет принуждён пройти срочную военную службу, после чего существует значительный риск, что его принудят заключить контракт для участия в войне против Украины.

При этом такие обстоятельства, как:

- уклонение истца от исполнения требований военного комиссариата;
- его пребывание в Норвегии на протяжении более трёх лет;
- молодой возраст;
- предполагаемая годность к военной службе,

по мнению суда, существенно повышают уровень такого риска.

Суд вновь подчёркивает, что российская сторона испытывает острую потребность в военнослужащих, и не усматривает каких-либо конкретных обстоятельств, позволяющих сделать вывод о том, что истец сможет избежать принуждения к заключению контракта.

Суд приходит к выводу, что фактический уровень риска принудительного направления истца на войну, существовавший на момент принятия административного решения, существенно отличается от того уровня риска, который был положен в основу решения UNE.

Суд особо подчёркивает, что показания свидетелей лишь прояснили обстоятельства, существовавшие на момент вынесения решения, поскольку последнее решение UNE было принято в апреле текущего года.

Таким образом, речь не идёт о новых обстоятельствах, возникших после принятия административного решения.

Кроме того, ни UNE, ни UDI в своих решениях не оценили значение новой электронной базы данных, обеспечивающей государственным органам полный контроль над военнообязанными.

Напротив, они исходили из предположения, что российским властям, вероятно, неизвестно о пребывании истца за пределами страны.

Также в их решениях не была дана оценка последствиям перехода к непрерывному призыву на срочную военную службу.

Кроме того, в основу решений были положены нереалистичные предположения о существовании для истца реальной возможности:

- пройти альтернативную гражданскую службу;
- получить помощь непосредственно в России;
- либо воспользоваться поддержкой внешних правозащитных организаций.

Если добавить к этому, что UNE и UDI исходили из предположения о значительно меньшем уровне давления, оказываемого на военнослужащих срочной службы с целью принуждения их к заключению контрактов для участия в войне, чем тот, который суд считает установленным, то суд приходит к выводу, что риск принудительного направления истца на войну значительно выше, чем предполагалось в административных решениях.

Кроме того, суд считает, что UNE исходил из ошибочной фактической предпосылки, заявив, что нельзя исходить из того, что российские военнослужащие совершают военные преступления в ходе войны против Украины.

Следовательно, оспариваемое решение основано на неправильном установлении фактических обстоятельств.

Именно эти фактические обстоятельства имеют определяющее значение для оценки того:

- существует ли риск принудительного направления истца на войну;
- а следовательно, имеет ли он право на международную защиту в соответствии с пунктом «а» части первой § 28 Закона Норвегии «Об иностранцах».

По этой причине суд приходит к выводу, что оспариваемое решение является незаконным и подлежит отмене.

По вопросу о принятии обеспечительных мер

Государство не оспаривало наличие оснований для принятия обеспечительных мер в том случае, если суд придёт к выводу, что при оценке риска были допущены ошибки.

Исходя из приведённой выше оценки, суд приходит к выводу, что истец с достаточной степенью вероятности подтвердил наличие основного требования, а именно права на международную защиту.

Кроме того, суд считает установленным наличие риска причинения вреда в случае непринятия обеспечительных мер, вследствие чего введение временной судебной защиты необходимо для предотвращения существенного ущерба или иных серьёзных неблагоприятных последствий.

Таким образом, условия для принятия обеспечительных мер выполнены в соответствии с пунктом «а» части первой § 34-1 и частью первой § 34-2 Закона Норвегии «О гражданском судопроизводстве» (Tvisteloven).

Суд также отмечает, что даже если бы основное требование не было признано достаточно вероятным, степень риска причинения вреда настолько высока, что обеспечительные меры могли бы быть приняты на основании части второй § 34-2 Закона «О гражданском судопроизводстве».

Кроме того, суд не усматривает, что принятие обеспечительных мер будет несоразмерным по отношению к государству, что соответствует требованиям части второй § 34-1 Закона «О гражданском судопроизводстве».

В связи с этим суд постановляет приостановить исполнение решения Иммиграционного апелляционного совета (UNE) от 9 апреля 2026 года, которым было отказано в пересмотре решения UNE от 5 марта 2026 года, до вступления в законную силу судебного решения по основному делу.

Судебные расходы

Поскольку истец выиграл дело, он, как правило, имеет право на возмещение понесённых судебных расходов в соответствии с частями первой и второй § 20-2 Закона Норвегии «О гражданском судопроизводстве».

Суд не усматривает каких-либо исключительных обстоятельств, которые могли бы служить основанием для отказа в возмещении судебных расходов в соответствии с частью третьей § 20-2 указанного Закона.

Истец заявил требование о взыскании:

- 307 226 норвежских крон в качестве вознаграждения адвоката;
- 7 955 норвежских крон расходов на проезд и проживание, связанных с рассмотрением дела по существу.

Общая сумма указанных расходов составляет 315 181 норвежскую крону, включая налог на добавленную стоимость.

Кроме того, подлежит возмещению государственная пошлина в размере 10 760 норвежских крон.

Ответчик возражал против заявленного размера судебных расходов, прежде всего указывая на чрезмерное количество часов, затраченных представителем истца.

Однако, принимая во внимание предмет спора и сложность рассматриваемого дела, суд не считает, что заявленное количество рабочих часов существенно превышает пределы разумных и необходимых расходов.

Кроме того, суд принимает во внимание объяснение истца о том, что увеличение количества затраченных часов было обусловлено необходимостью использования услуг переводчика.

В связи с этим суд обязывает Иммиграционный апелляционный совет (UNE) в течение двух недель со дня вручения настоящего решения возместить истцу судебные расходы в размере 325 941 норвежской кроны.

Резолютивная часть решения

По основному делу

Решение Иммиграционного апелляционного совета (UNE) от 9 апреля 2026 года, которым было оставлено в силе решение UNE от 5 марта 2026 года об отказе в предоставлении

международной защиты и вида на жительство по гуманитарным основаниям, признать недействительным.

По делу о принятии обеспечительных мер

Приостановить исполнение решения Иммиграционного апелляционного совета (UNE) от 9 апреля 2026 года, которым было оставлено в силе решение UNE от 5 марта 2026 года об отказе в предоставлении международной защиты и вида на жительство по гуманитарным основаниям, до вступления в законную силу судебного решения по основному делу.

По основному делу и делу об обеспечительных мерах

Государство в лице Иммиграционного апелляционного совета (UNE) обязано в течение двух недель со дня вручения настоящего решения выплатить ФИО компенсацию судебных расходов в размере 325 941 (триста двадцать пять тысяч девятьсот сорок одна) норвежская крона.

Судебное заседание объявлено закрытым.

Лизе Боген Беренс

судья

К настоящему решению прилагается разъяснение о порядке подачи апелляционной жалобы по гражданским делам.